

Э. Б. ПЕТРОВА

МЕНЕСТРАТ И СОГ

(К вопросу о наместниках в Феодосии первых веков н.э.)

Поводом для написания статьи послужили две надписи из Керчи [КБН, 36, 64], в которых некие Менестрат и Аврелий Валерий Сог названы наместниками Феодосии. Отсюда и разговор об административной системе на Боспоре в первых веках н.э., а главное – о положении Феодосии, центра и в географическом, и в историческом смысле выдающегося среди городов царства и во многих отношениях остающегося для нас загадкой. Причину последнего нужно искать в слишком слабой его археологической изученности и весьма ограниченных свидетельствах письменных источников, особенно касательно времени, последовавшем за бурной митридатовой эпохой, в немалой степени изменившей жизненный уклад северопричерноморских государств.

После длительных войн, разорений и опустошений, уже при Аспурге положение на Боспоре стабилизируется. Начался период его нового, второго расцвета, охвативший I – начало III вв. В двух почетных надписях из Керчи [КБН, 39, 40] “великий царь Аспург” назван царствующим “...над всем Боспором, Феодосией, синдами, меотами (маитами), тарпитами, торетами, псессами и танаитами”, подчинившим скифов и тавров. Таким способом царь желал подчеркнуть законную преемственность своего правления (его титул невольно возвращает нас к временам Спартокидов, именовавших себя “архонтами Боспора и Феодосии”), заодно выказывал гордость успешным восстановлением государства в прежних размерах. Не намек ли это на возвращение области “Феодосия”¹ в состав царства, отпавшей от Боспора в сложные для центральной власти годы, и на хотя бы частичное возрождение былой значимости и авторитета Феодосии? [Петрова 1991, с. 97-105].

Обратимся к двум документам эпохи – надписи 70-х гг. III в., в которой Менестрат именуется “наместником царской резиденции и наместником Феодосии”, и надписи начала IV в., где “известный августам, почтенный Диоклетианом и Максимианом” Аврелий Валерий Сог также назван “наместником Феодосии” [КБН, 36, 64]. Судя по

¹ Логичным и небезосновательным представляется предложение Е.А.Катюшина понимать под “Феодосией” в титулатуре Спартокидов не только собственно город, но область на западе Боспорского государства, ограниченную Акмонайским перешейком, то есть территорию Феодосии и ее хоры [Катюшин 1994, с. 29-30].

всему, должность эта была достаточно почетной: в одном случае ее исполнял наместник царской резиденции, фигурирующий в списке высших царских чиновников, в другом – человек, хорошо известный в Риме, пользующийся благосклонностью его императоров. Все это наводит на мысль, что в отношении управления город (а вернее, Феодосия-область) рассматривался боспорскими правителями как некая самостоятельная единица. Расположение на западных рубежах государства делало его важным в стратегическом отношении, а его порт, как и прежде, эксплуатировался в коммерческих целях.

Из всех городов Боспора, кроме Феодосии, наместника имела только Горгиппия [Алексеева 1988, с. 74-75]. Значит, два пограничных города управлялись единообразно, через царских наместников из среды придворной аристократии. В Горгиппии наместниками (и другими магистратами) могли быть даже члены царской семьи. Помимо Горгиппии и Феодосии, царскими наместниками управлялись еще некоторые области азиатского Боспора (остров, земли аспургиан). В европейской части царства должность царского наместника известна только в Феодосии. Ясно, что правители старались в первую очередь обезопасить пограничные районы, соседствующие с воинственными варварами – отсюда стремление понадежнее их укрепить и держать под особым контролем. Таким образом, в азиатской части Боспора и на крайних западных рубежах царства в первые века н.э. выделялись и единообразно управлялись территориально-административные округа [Шепко 1988, с. 52-58]. Для Феодосии такая политика властей не была новой, ведь область “Феодосия”, по всей видимости, существовала и ранее. Когда она могла получить в управление наместника?

Обе надписи, упоминающие наместников Феодосии, датируются довольно поздним временем. Должность же наместника Горгиппии известна по эпиграфическим памятникам уже с начала II в., впрочем, возникнуть могла раньше, при Аспурге. А вот наместник (начальник) острова (северо-западная часть Таманского полуострова в древние времена была островом) появился скорее всего при Аспурге, что ясно из керченской надписи [КБН, 40]. В ней, как мы уже знаем, Аспург назван царствующим над всем Боспором, Феодосией, многими племенами азиатского Боспора, подчинившим скифов и тавров. Точно так же он назван в другой надписи из Керчи [КБН, 39], которая датируется 23 г. н.э. К этому времени Аспург получил признание Рима, совершил много великих деяний по укреплению своего царства, устрашению соседей, занялся административными делами, среди которых было и учреждение должности наместника острова. Первая из упомянутых надписей [КБН, 40] сделана на постаменте статуи Аспурга, поставленной наместником острова Менестратом “своему спасителю и благодетелю”. Ничто не мешает датировать ее примерно тем же временем, что и надпись КБН 39.

В обоих случаях особо выделена Феодосия. Из надписи КБН 40 ясно, что должность наместника (в данном случае наместника острова) уже существовала и, вероятнее всего, была введена Аспургом. Нельзя ли в осторожной форме предположить, что такая же должность, но для Феодосии и ее округи, возникла в годы правления Аспурга? Западные рубежи царства не могли не волновать царя: ему пришлось воевать с ближайшими соседями Феодосии – скифами и таврами. Не исключено, что и сами

Феодосийцы доставляли немало хлопот. Здесь уместно вспомнить о Кутлакской крепости, выстроенной при Аспурге в середине I в. до н.э. [Ланцов 1997, с. 69-79; Ланцов 1999, с. 121-136]. Она была возведена в 60 км юго-западнее Феодосии. Исследующий этот памятник С.Б. Ланцов полагает, что форт просуществовал лет 50-70 и был целенаправленно покинут гарнизоном в первые десятилетия I в. н.э., возможно, по решению Аспурга – как одна из карательных мер, предпринятых царем для ослабления сепаратистских устремлений Феодосии, поддерживавшей связи с крепостью, гарнизон которой мог формироваться в Феодосии из окрестных варваров (не исключаются и наемники-варвары некрымского происхождения) и отсюда же снабжаться. Тогда-то, надо думать, и появился в городе царский наместник ради того, чтобы контролировать ситуацию в округе, в самом городе и на государственной границе.

С именем Аспурга связано немало новшеств в жизни государства, в том числе в структуре аппарата управления. Без городской экономики – ремесла, торговли – и думать нечего было о возрождении царства. Контроль за городами стал важнейшей частью внутренней политики царей. Особенно выделялись крупные города – Пантикапей, Фанагория, Горгиппия, Феодосия, к ним по важности примыкал Танаис, находившийся, как Горгиппия и Феодосия, на границе (но только северо-восточной), вблизи варваров. Все эти города управлялись особыми царскими чиновниками. Именно Асандр ввел много новых должностей, в том числе наместников областей, городов. Так что нет ничего невозможного в том, что и должность наместника Феодосии появилась при нем, а не позже. Нельзя не согласиться с В.А. Астаховым, что Горгиппия, Танаис и Феодосия нуждались в дополнительном контроле и помощи со стороны центра, вот почему в этих городах были особые чиновники (в Горгиппии и Феодосии – наместники царя, в Танаисе – пресбевт), каких не было в Пантикапее, Фанагории, Гермонассе [Астахов 1995, с. 16]².

От позднего периода жизни Боспорского государства в Феодосии сохранилось очень мало памятников. Уже хотя бы поэтому возрастает значение надписей КБН 36 и 64, относящихся к концу III – началу IV в. и свидетельствующих о том, что боспорские правители в те времена еще рассматривали город и его округу как свои владения (и

² В дошедшем до нас житии святого апостола Андрея Первозванного, составленном иерусалимским первоначальником конца VIII – первой половины IX в. Епифанием, говорится об управлении Феодосией в I в. н.э. Савроматом [Васильевский 1909, с. 269, 282; Макарий [Булгаков] 1994, с. 95]. Сейчас принято говорить о легендарной основе сказаний, посвященных апостолу Андрею, в том числе его проповеднической деятельности в Крыму. И тем не менее любая легенда, как правило, содержит зерно исторической истины. Сказания Епифания об апостоле Андрее вызывают доверие еще и потому, что сам Епифаний счел необходимым для достоверности своего сочинения обойти те места, которые посетил и где проповедовал апостол Андрей, стараясь собирать лишь достоверные сведения, опираясь на местные предания. Феодосия названа в его труде городом обширным и многолюдным (что вполне возможно в условиях второго расцвета Боспора в первых вв. н.э.). Имя Савромат не случайно появилось в тексте, мы увидим, что оно со временем стало как бы нарицательным для боспорских правителей (у Константина Багрянородного, автора X в., под именем Савромат скрываются три боспорских царя – Фофорс, Радамсад и Рискупорид VI). Упомянутый в житии Савромат не мог быть правителем Боспора при жизни Андрея Первозванного, но мог как представитель правящей династии, выступать в роли наместника области “Феодосия” то ли при Аспурге, то ли при его ближайших преемниках.

как самостоятельную единицу в административном отношении) и держали там наместника.

Надпись 70-х гг. III в. [КБН, 36, хранится в Эрмитаже] происходит из Пантикапея, высечена на постаменте мраморного памятника, поставленного в честь верховных богов Зевса и Геры Спасителей в благодарность за какую-то крупную победу, которую одержал Тейран, единолично правивший на Боспоре в 277-278 гг. (этим временем, по-видимому, нужно датировать и саму надпись). Памятник был воздвигнут большой группой боспорской знати, возглавляемой высшими царскими чиновниками. Среди них первым назван жрец (это и понятно – ведь памятник посвящен богам), вторым – “Менестрат, сын Госемфлия (?), наместник царской резиденции и наместник Феодосии”. Значит, Менестрат исполнял две должности одновременно. Наместники царской резиденции (области) известны по надписям II-III вв. из Пантикапея, Гермонассе, Горгиппии, Танаиса; как правило, они совмещали эту высокую должность с какой-либо другой (другими) и принимали активное участие в жизни государства: ставили памятники богам, царям, возглавляли союзы-фиасы. Конечно же, это были “...наиболее приближенные к царю и пользовавшиеся его особым доверием царедворцы, на которых возлагались ответственные поручения различного характера, в связи с которыми они по мере надобности направлялись в различные центры и области царства” [КБН, 1120, комм.]. В нашем случае Менестрат и был направлен из столицы на западную окраину государства в качестве проводника политики центральной власти. В обязанности ему вменили контролировать довольно обширную округу – область “Феодосию”.

Заметим, что имя Менестрат было весьма распространенным на Боспоре в интересующее нас время, в эпиграфических памятниках I-III вв. засвидетельствовано около трех десятков Менестратов [КБН, с. 883]. Преобладают надписи из Танаиса и вообще азиатской стороны Боспора. По большей части мы встречаемся с Менестратами, занимающими высокое положение в обществе – одни имеют должности общегосударственного значения, другие числятся в администрации или членами фиасов и синодов. Менестрат, сын Менестрата, при царе Аспурге был наместником острова [КБН, 40]. В двух надписях [КБН, 1049, 1243] фигурирует имя Юлия Менестрата, хилиарха и пресбевта царя в Танаисе – должность, близкая к должности наместника в Феодосии и Горгиппии [Книпович 1949, с. 93-95; КБН, с. 609-610, 735]. Не исключено, что некоторые из известных по надписям Менестратов принадлежали к одной семье боспорских аристократов, игравших видную роль в государственной администрации и пользовавшихся доверием правителей. Имя Менестрата могло быть в этой семье наиболее употребительным.

Не принадлежал ли наместник царской резиденции и наместник Феодосии Менестрат, сын Госемфлия, к этому роду? Примечательно, что в нашей надписи [КБН, 36] перечислены восемь Менестратов. Менестрат, сын Госемфлия, – в первых рядах, среди высших чинов. Менестрат, сын Менестрата, исполнял должность секретаря в фиасе. Третий носитель имени – Менестрат, сын Зенона, – был, кажется, рядовым членом союза. Пятеро Менестратов названы отцами фиасотов. Мы не знаем, были ли

родственниками обладатели имени Менестрат нашей надписи, но нет ничего удивительного в том, что представители одной семьи входили в состав одного и того же фисаса – ведь членами союза, скорее всего, становились жители определенного района города [Астахов 1995а, с. 51]. Если наши рассуждения подтверждаются данными новых источников, то мы будем иметь возможность проследить историю одной знатной боспорской семьи на протяжении нескольких веков. Члены ее играли важную роль в административном аппарате восточной части государства, некоторые могли направляться центром и на западные его рубежи.

Вторая надпись [КБН, 64, хранится в Керченском музее] более позднего времени, она датирована составителем 603 г. босп. эры, что соответствует 306 г. н.э., и также происходит из Пантикапея. Это посвящение “Богу всевышнему, всемогущему” вырезано на мраморной плите по заказу Аврелия Валерия Сога, сына Олимпа, “наместника Феодосии, известного августам, почтенного Диоклетианом и Максимилианом”. В нем говорится, что Сог, “...долго находившийся в отсутствии и оставившийся на чужбине 16 лет и много бед испытавший, по обету выстроил от основания молельню” (так назывались иудейские синагоги). Перед нами, кажется, неординарная личность, своим трудом и заслугами удостоенная почета и высокой должности. Он благодарит божество за покровительство, а быть может, и спасение в тяжелую годину. По происхождению Сог, скорее всего, боспорский грек: у его отца греческое имя Олимп; по отцу сына, говорится в надписи, прозвали Олимпианом в епархии, иначе – в римской провинции, где он находился по долгу службы. Сам себя он называет по-римски Аврелием Валерием и в римском духе имеет тройное имя Аврелий Валерий Сог. Имя Сог подтверждает боспорское происхождение его носителя, ибо оно было широко распространено на Боспоре в римское время. Сог горд своей известностью при дворе римских императоров – Диоклетиана, правившего с 284 по 305 гг., и Максимиана, ставшего его соправителем в 285 г. Оба императора в официальной титулатуре звались Аврелиями Валериями; в их честь и за заслуги получил имя и римское гражданство Аврелий Валерий Сог. Имена Аврелий и Валерий хорошо известны на Боспоре в первых веках н.э., Аврелиями нередко величали высокопоставленных лиц (например, некоторых наместников царской резиденции) [Цветева 1979, с. 107-108]. К таковым относился и Сог, сын Олимпа, вероятно, пантикапеец, в течение 16 лет прослуживший в римской армии. Это была полная опасностей служба (Рим в те времена не без труда отбивался от варваров) в одной из римских провинций в должности епарха. Увенчанный лаврами, набравшийся жизненного опыта, Сог вернулся на родину и получил в управление область “Феодосию”.

Как раз в эти годы усилилась зависимость Боспора от Рима, который представлял права римского гражданства, родовые римские имена и привлекал к управлению империей представителей боспорской знати [Цветева 1979, с. 21, 32, 114; Гайдукевич 1949, с. 457-458; Блаватский 1985, с. 247-248; Болгов 1996, с. 37]. Служба Сога на благо Рима стала важной ступенью в его продвижении по служебной лестнице. Особенно пригодился его военный опыт, поскольку должность наместника предполагала познания в военном деле. В благодарность богу Сог строит, видимо, на собственные

средства молельню в Пантикапее. Значит, он был богатым и в своем роде менестратом (Подобным же образом поступил в 110 г. наместник Горгиппии, когда “...воздвиг, согласно своему обету, на собственные средства храм богине Афродите Навархиде” в Горгиппии – КБН, 1115) Мы уже знаем, что в Феодосии была должность наместника боспорских царей, естественно предположить, что Сог стал таким же наместником, каким был, например, Менестрат, сын Госемфлия.

Обращает на себя внимание, однако, тот факт, что Сог, кичащийся почестями, полученными от римских императоров, не считал нужным упомянуть имя боспорского правителя, наместником которого он мог быть в Феодосии. Речь идет о Фофоре, царствовавшем в 285-308 гг. (Впрочем, в культовых посвященных надписях на Боспоре не всегда, хотя и часто, упоминались цари. Так, наместники Горгиппии II в. в надписях по поводу своих благодеяний – построек храмов, установок статуй – КБН, 1115, 1119 – не преминули сообщить, что сделали они все это “при царе Тиберии Юлии Савромате”). Однако если наместник не упомянул, при каком правителе он построил молельню, а уже в начале надписи не без гордости сообщил о своей известности римским императорам (которых назвал августами, а после еще и по именам), то создается впечатление, что сделал он это не по забывчивости, но сообразуясь с обстановкой (так же поступили архонты Пантикапея и Фанагории в 307 г., когда в своей надписи – КБН, 1051 – “забыли” упомянуть имя боспорского царя на фоне реверансов в адрес Рима). Ясно: ориентация на Рим была выгоднее. Боспор же переживал не лучшие времена: к внутренним неполадкам и варварскому присутствию добавились новые сложности – военные столкновения с Херсонесом, подстрекаемым римлянами, недовольными совместными действиями боспорского центра и сарматов по опустошению римских земель в Малой Азии. Об этих событиях большую историю, не лишённую легендарной окраски, рассказал в трактате “Об управлении империей” (глава 53) византийский император Константин Багрянородный (908-959 гг.), опираясь на какую-то местную, возможно, херсонесскую хронику, датированную V или VI в. Мнения исследователей по поводу доверия этому источнику разделились: одни считают его всецело легендарным и отказываются рассматривать всерьез, другие, напротив, видят в нем реальную историческую основу и подыскивают аргументы в ее пользу (особенно важны добытые в последнее время археологические свидетельства) [Константин Багрянородный 1991, с. 450-454, комм. к гл. 53; Фролова 1984, с. 46-52; Фролова 1997, с. 85-95; Болгов 1996, с. 34-37; Сидоренко 1994, с. 12-13; Цукерман 1994, с. 560-561, прим. 47; Зубарь 1998, с. 153-160; Айбабин 1999, с. 47-49]. Наверное, как всегда, истина лежит посередине, и мы должны доверять исторической традиции, но тщательно проверять во избежание искажений, которые всегда могут закрасться в текст источника.

О чем же рассказал Константин? Разбойничьи действия боспорского правителя Савромата и варваров в Малой Азии побудили римского императора Диоклетиана призвать херсонесцев выступить в поход, разорить страну боспорцев и сарматов, пленить их семьи. Результатом этого обращения стало несколько военных столкновений, растянувшихся на длительное время и завершившихся поражением нежесто-

могущественного Боспора. События первой войны сторонники историчности текста Константина связывают с правлением боспорского царя Фофорса (285-308 гг.) и в основном датируют 291-293 гг. Второе столкновение приурочивают ко времени римского императора Константина I Великого (306-337 гг.) и боспорского царя Рискупорида VI (314-341/2 гг.) и в последнее время все чаще относят к около 328 г. Третья кампания последовала за второй "через некоторое время" и была вызвана желанием боспорского правителя "...силой отнятую у него землю выволить и получить обратно". Тогда-то, вероятно, погиб Рискупорид VI, а значит, конфликт можно датировать самым началом 40-х гг. IV в.

Для нас представляет интерес та часть текста источника, которая имеет отношение к Феодосии и ее округе. Во время второй войны, затеянной боспорским царем, сражение состоялось "...вне города (т.е. за пределами Феодосии. – Э.П.), в местах, называемых Кафа", после чего херсонесцы поставили пограничные знаки "...в том самом месте под названием Кафа, где, сразившись, победили", а боспорский правитель и оставшиеся у него воины "...принесли клятву, что никогда они не переступят ради войны установленные меж ними границы, но что каждая из стран владеет собственными местами, начиная от обозначенных пределов". Эти пределы, скорее всего, были западнее Феодосии, но, разумеется, не выходили за границы области "Феодосия".

Желая вернуть веками принадлежавшие Боспору земли на западе, его правитель развязывает третью войну. Войска противников встретились "...в местах прежде названной Кафы, встали обе стороны на горах". Собственно битвы даже не произошло, дело ограничилось единоборством между военачальниками (боспорским царем, названным Константином Багрянородным, как и его предшественники, Савроматом, и херсонесским протевомом Фарнаком). Смерть царя боспорцев решила исход встречи: Фарнак "...распустил воинство Меотиды, а людей из Боспора забрал как пленников, отняв их землю", границу царства передвинул на восток, к Киммерику (где Керченский полуостров пересекался с севера на юг Узунларским валом). Таким образом, область Кафа перешла во владения Херсонеса.

Если согласиться со сторонниками историчности текста Константина и попытаться согласовать его с надписью Аврелия Валерия Сога, то получится, что Сог покинул Боспор и отбыл на службу в Рим накануне первой боспоро-херсонесской войны. В.Д.Блаватский полагал, что римляне старались привлечь на свою сторону боспорскую знать, и такие, как Сог, пропитывались проримскими симпатиями. Н.Н.Болгов даже предлагает видеть в Соге одного из вождей боспорских изгнанников – сторонников проримской ориентации, осевших в Феодосии, после первой войны Боспора с Херсонесом отторгнутой от Боспора и оказавшейся под контролем Херсонеса и Рима. Впрочем, и ранее высказывалось предположение, что Сог был римским ставленником в Феодосии. Это, однако, не ясно из надписи. С не меньшим основанием в Соге можно видеть наместника боспорского царя в Феодосии и рассуждать так: после первой войны боспорцы сохранили свои исконные земли на западе, Фофорс примирился с Римом (и на своих монетах сохранил изображение

императора) и в угоду ему назначил вернувшегося на родину Сога своим наместником на западных рубежах царства. Тот управлял Феодосией при Фофорсе, а может быть, и при Радамсаде, в 308/9 г. сменившем Фофорса на престоле (вспомним, что надпись Сога датирована 306 г.). Об усилении зависимости Боспора от Рима в это время говорят разные факты, в том числе и надпись Сога с его явным преклонением пред империей и ее руководителями. Наместник Феодосии даже не считал нужным упомянуть боспорского царя, видимо, считая себя в большей степени ставленником Рима, чем властей Боспора. В пользу того, что Феодосия и ее округа в те времена еще принадлежали боспорцам, свидетельствует то, что надпись Сога обнаружена в столице царства Пантикапее; наверняка там же им была построена и молельня.

Исходя из текста Константина, конфликт не был исчерпан, и через некоторое время военные действия между Боспором и Херсонесом возобновились. После второй войны римляне решили наказать неуемных вояк с Боспора и отняли у них часть земель в пользу находившегося под их усиленным контролем Херсонеса. Тогда-то "места, называемые Кафа", стали границей владений Боспора и Херсонеса.

Известно, что Каффой (как принято писать в латинской транскрипции) называлась Феодосия в эпоху средневековья. Это стало одним из аргументов тех исследователей, которые не доверяют тексту Константина или связывают описанные в нем события не с концом III – первой половиной IV в., а с более поздним временем, и видят в них отголосок борьбы Рима и государств Северного Причерноморья с миром варварских племен (данную точку зрения последовательно отстаивает Н.А.Фролова). Между тем, если верна датировка источника Константина Багрянородного, название "Кафа" существовало уже в V (или VI) в., но могло быть известно и раньше³. Однако так называлась не Феодосия, а, вероятно, территория, простиравшаяся от предгорных районов Главной гряды Крымских гор до Акмонайского перешейка – в прошлом западные владения Боспора, сельская округа античной Феодосии [Катюшин 1994, с. 29; Катюшин 1998, с. 50-51]. (Не исключено, что было и какое-то поселение Кафа, расположенное неподалеку от Феодосии, оно-то и могло дать название и местности, и тому населенному пункту, который уже в средневековое время вырос на месте античной Феодосии.) В "места, называемые Кафа", входила в те времена лишенная былого значения небольшая Феодосия.

В результате третьей войны граница Боспора была перенесена еще дальше, к Киммерику⁴; всей этой территорией теперь уже не владели боспорцы.

Следовательно, в начале 40-х гг. IV в. Феодосия и ее округа (одна из так называемых "локальных микрорайонов" позднего Боспора) отошли от Боспорского царства. Но это были не лучшие для них времена: ослабленный город и соседние с ним земли теперь вообще никому было защищать. Брошенные на произвол судьбы люди могли рассчитывать только на себя, свою сообразительность. Кто-то в панике бежал, кто-то обращал мольбы к богам, некоторые старались припрятать хоть кое-что из накопленного. Обнаруженный в 1927 г. клад из 135 медных монет (деградированных "статеров") трех боспорских царей – Фофорса, Радамсада и Рискупорида VI (монеты последнего составили примерно две трети от общего числа) – был зарыт вблизи от

Феодосии в ходе или вскоре после второго военного конфликта [Шелов 1950, с. 134-139; Исанчурин, Исанчурин 1989, с. 90-94]. Клад датируется 286-327/8 гг. Значит, в какой-то феодосийской семье более сорока лет копились деньги, и этот период накопления приходится на годы военных конфликтов между Боспором и Херсонесом. "Сокровища" припрятали в критический момент, а воспользоваться ими не успели или не смогли.

Необходимо, однако, иметь в виду, что рассказ Константина Багрянородного не вполне ясный, в нем многое не поддается объяснению и не может быть сопоставлено со свидетельствами других источников. Особенно существенным представляется то, что римская историческая традиция не упоминает обо всех этих событиях, столь ярко освещенных у Константина.

Ситуация на Боспоре после появления гуннов реконструируется следующим образом: он, видимо, избежал разгрома в конце IV в. (чего нельзя сказать о более позднем времени: пожары и разрушения на городищах и поселениях датируют второй четвертью VI в.), но вынужден был признать верховенство более сильных в военном отношении пришельцев, частично осевших на его землях; затем, во второй четверти VI в., государство оказалось во власти Византии – наследницы павшей Римской империи [Сазанов, Иващенко 1989, с. 84-102; Болгов 1997, с. 21-29; Айбабин 1999, с. 73 сл. и др. работы].

Ситуация в Феодосии отличалась от той, что сложилась в районе Керченского пролива. Город и соседние с ним земли находились за пределами Боспорского государства (херсонесский контроль, скорее всего, носил формальный характер). Судя по всему, им не удалось избежать гуннского разгрома – отсюда и отсутствие в Феодосии археологических и письменных свидетельств, датированных временем после IV в.

В Феодосии археологически прослеживается следующая картина: "...все античные сооружения сверху перекрыты перемытыми и снесенными сюда водой остатками античных слоев мощностью не менее 1,0 м, поверх которых располагаются постройки Кафы" [Петерс, Голенцов 1981, с. 72]. Есть все основания говорить, что между IV в., которым мы завершаем историю античной Феодосии, и последующим временем, когда город уже под именем Каффа вновь предстал пред миром во всем своем блеске и значимости (как было в V-II вв. до н.э.), пролегла полоса забвения. Жизнь на городище едва теплилась, но, кажется, не замерла вовсе. На этот счет есть некоторые косвенные свидетельства, например, небольшое количество византийских монет, собранных А.Л.Бертье-Делагардом на феодосийском Карантине в конце XIX в. (монеты императоров Юстиниана I, Иоанна I Цимисхия, Алексея I Комнина, Андроника II

² Текст из ГИМ [Шангин 1938, с. 252-255], в котором среди европейских епархий назван "Гаврический Херсонес с Кафой и Символом", вряд ли может быть датирован 60-80-ми гг. IV в. н.э., как полагает его публикатор, так как в нем указаны некоторые населенные пункты, возникшие позднее этого времени, например, Рагуза – в VI в. [Цукерман 1994, с. 560, прим. 47].

³ Свидетельства Константина Багрянородного относительно перенесения границы Боспора к Кивернику (Киммернику) находят подтверждение в археологических материалах: раскопки конца 90-х гг. XX в. свидетельствуют о капитальной реконструкции Узунларской оборонительной системы (в которую входила цитадель на плато горы Опук), в первой половине IV в. превратившейся из "внутренней" линии обороны в фактическую границу боспорских владений [Голенко 1999, с. 37-39; Ланцов, Голенко 1999, с. 177-181].

Палеолога, то есть монеты VI, X – начала XIV в.; особенно важны те, что датируются временем до прихода гуннов в XIII в.) [Штерн 1906, с. 91].

Прошедший в IX в. путь апостола Андрея Первозванного монах Елифанний заметил: "А Феодосия ныне не имеет даже следа человеческого" [Васильевский 1909, с. 269, 282].

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
- Алексеева Е.М. Горгияпия в системе Боспорского царства первых веков н.э. // ВДИ. 1988. №2.
- Астахов В.А. Центральная власть и города в позднеантичном Боспоре // Проблемы социальной истории Европы: от античности до нового времени. Брянск, 1995.
- Астахов В.А. Боспорские религиозно-общественные объединения в первые века н.э. // Проблемы социально-политической истории и исторической науки. Брянск, 1995а.
- Блаватский В.Д. Античная археология и история. М., 1985.
- Болгов Н.Н. Закат античного Боспора. Белгород, 1996.
- Болгов Н.Н. О характере отношений Боспора с гуннами в IV-VI вв. // Боспор и античный мир: Сб. науч. трудов. Нижний Новгород, 1997.
- Васильевский В.Г. Хождение апостола Андрея в стране мирмидонян // Труды. Т.2. Вып. 1. СПб., 1909.
- Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.: Л., 1949.
- Голенко В.К. К вопросу о времени сооружения "цитадели" на плато горы Опук // VI чтения памяти проф. В.Д.Блаватского: Тез. докл. М., 1999.
- Зубарь В.М. Северный Понт и Римская империя. К., 1998.
- Исанчурин Р.А., Исанчурин Е.Р. Монетное дело боспорского царя Радамсада // НЭ. 1989. Т.15.
- Катюшин Е.А. Об античной Кафе // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье: Тез. докл. междунар. конф. Симферополь, 1994.
- Катюшин Е.А. Феодосия. Каффа. Кефе: Исторический очерк. Феодосия, 1998.
- Книпович Т.Н. Танаис. М.: Л., 1949.
- Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991.
- Ланцов С.Б. Кутлакская крепость второй половины I в. до Р.Х. – начала I в. // Археология Крыма. 1997. Т.1. №1.
- Ланцов С.Б. Краткие сведения о боспорской крепости Кутлак-Афинейон (?) Псевдо-Арриана // ВДИ. 1999. №1.
- Ланцов С.Б., Голенко В.К. О западной границе Боспора в IV в. н.э. // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. Материалы междунар. науч. конф. СПб., 1999.
- Макарий [Булгаков], митрополит московский и коломенский. История русской церкви. М., 1994. Кн.1.
- Петерс Б.Г., Голенцов А.С. Археологические раскопки Феодосии в 1975-1977 гг. // КСИА. 1981. №168.
- Петрова Э.Б. Феодосия в составе Боспорского царства (политический аспект) // МАИЭТ. 1991. Вып.1.
- Сазанов А.В., Иващенко Ю.Ф. К вопросу о датировке позднеантичных слоев городов Боспора // СА. 1989. №1.
- Сидоренко В.А. Федераты Византии в Юго-Западном Крыму: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 1994.

- Фролова Н.А. Монетное дело Фофорса // СА. 1984. №2.
Фролова Н.А. Монетное дело Боспора (I в. до н.э. - IV в. н.э.). М., 1997. Ч.2.
Цветаева Г.А. Боспор и Рим. М., 1979.
Цукерман К. Епископы и гарнизон Херсона в IV в. // МАИЭТ. 1994. Вып. IV.
Шангин М.А. Новый географический текст // ВДИ. 1938. №4.
Шелов Д.Б. Феодосийский клад боспорских "статеров" // ВДИ. 1950. №2.
Шепко Л.Г. О территориально-административной структуре Боспорского царства в первые века н.э. // Из истории древнего мира и средних веков. М., 1988.
Штерн Э.Р. Феодосия и ее керамика. Одесса, 1906.

PETROVA E. B.

MENESTRATOS AND SOG

(On the problem of King's Official in Theodosia in the First Centuries AD)

Summary

In two honorary inscription in Kerch Aspurgos was named as reigning Bosphoros, Theodosia, tribes of Asian Bosphoros, who subjected the Scythian and Taurus. The title reminds the period of Spartokidis. Is it a hint that Theodosia, a region that had fallen away from the Kingdom in difficult years for the centre, came back? Or perhaps, and at least partial revival of past importance and authority? From other two inscriptions (dated back to the 70s of the 3rd - the beginning of the 4th centuries) it follows that the city got had a King's official. That appointment was honourable: in one case it was an official of King's residence, in the other case - man who was well known in Rome, and who was in the emperor's favour. The rulers strive for secure frontier districts neighbouring the barbarians. Perhaps Theodosia and its neighbourhood got a royal official as early as during the reign of Aspurgos, who took care to strengthen western borders of the Kingdom.

The above mentioned inscriptions show that at the beginning of the 4th century Bosphoran rulers considered Theodosia and its neighbourhood as their possession and an independent unit in administrative respect. In the inscription of the 70s of the 3rd century Menestratos was named as a royal official in Theodosia. Probably, some Menestratos known from the inscriptions belonged to one and the same family of Bosphoran aristocracy who played an important part in state administration. The second inscription is dated by 306 and was done on the demand of Aurelius Valerius Sog - most likely a Bosphoran Greek, who had lived in some Roman province and got the names of Aurelius and Valerius (these were the names of emperors in official title literature) and Roman citizenship. Having returned to his Motherland he got the region of Theodosia under his rule. In the inscription he did not even mention the name of Bosphoran ruler whose official he could be in Theodosia. It was more advantageous to be oriented to Rome than to Bosphoros not in the best period. Sog left Bosphoros and went to serve in Rome at the end of the first Bosphoros - Chersonesos war (291-193) described by Constantine Porphyrogenitus.

After this war the Bosphoran people preserved their primordial lands in the west, Thothors reconciled to Rome and appointed Sog who came back to his motherland as his official. He administered Theodosia under the reign of Thothors and, probably, Radamsados.

Н. Ф. ФЕДОСЕЕВ

О КОЛЛЕКЦИИ КЕРАМИЧЕСКИХ КЛЕЙМ В НАЦИОНАЛЬНОМ МУЗЕЕ ВАРШАВЫ

Серия публикаций музейных коллекций керамических клейм пополнилась вышедшей в 1983 году книгой С.Штеттылло "Керамические клейма из коллекции Национального музея в Варшаве" [Sztetytlo 1983]. Несколько позже мной была подготовлена рецензия на это издание, однако ряд обстоятельств помешали своевременному выходу ее в свет. На книгу С.Штеттылло было опубликовано две рецензии: достаточно критическая Ж.И.Амперера и И.Гарлана [Empereur, Garlan 1987, p. 87-88] и положительная Д.Б.Шелова [Шелов 1986, p. 198-199]. Определенные исправления, касающиеся каталожных клейм, были сделаны Н.Ефремовым [Jefremow 1995]. Вместе с тем многочисленные ошибки в чтениях легенд керамических клейм, не отмеченные рецензентами, тиражируются различного рода ссылками на книгу С.Штеттылло. Все это заставило меня вновь обратиться к анализу коллекции Варшавского музея с целью не только указать на наличие ошибок, но и дать правильные восстановления, поскольку клейма из варшавской коллекции в основном происходят из раскопок северо-причерноморских центров и постоянно привлекаются для анализа экономических отношений. Именно с этой целью я считаю наиболее важным дать анализ III части книги - каталога клейм и привести таблицу сравнительных чтений (см. табл. 1) со ссылкой на полные аналоги¹.

Автор публикации - Софья Штеттылло, не новичок в керамической эпиграфике. Она автор ряда работ, а также и учебника по керамической эпиграфике (Sztetytlo 1971). Новая работа С.Штеттылло позволяет судить не только о хороших издательских возможностях (книга издана на французском языке, на прекрасной бумаге, в суперобложке, каждое клеймо сопровождается фотографией), но в какой-то мере определяет уровень развития керамической эпиграфики в Польше.

В публикации музейной коллекции представлено 440 клейм (157 из которых было издано раньше), происходящих из частных коллекций (95) и из польских раскопок в Причерноморье (291, из них: 284 из Мирмекия (Восточный Крым), 6 из Елизаветовского городища на Дону и 1 из Калос Лимена (Западный Крым)) и в Египте (54, из них: 52 из Тель Атриба и 2 из Эдфу). Ряд клейм не имеют указания на место находки,

¹ Я благодарю сотрудников Национального Музея в Варшаве Сабину Гжегжюлку, Терезу Вытковску и Альфреда Твардецкого за возможность автопсии коллекции клейм в марте 2000 года.